

Сефербеков Руслан Ибрагимович, Исрапилова Зарема Анваровна

ОБРАЗ "МАРТОВСКОЙ СТАРУХИ" В МИФОЛОГИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В статье дается описание одного из персонажей былого языческого пантеона – определенного промежутка времени года между зимой и весной, который в мифологиях народов Дагестана персонифицировался в образе "мартовской старухи". С этим периодом у дагестанцев были связаны многочисленные предания и легенды, поговорки, метеорологические и аграрные приметы. Данный образ находит широкие параллели у других народов Северного Кавказа и мира. Авторы считают, что образ "мартовской старухи" – это трансформированная с течением времени одна из многочисленных ипостасей Великой Богини-матери.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.
2. Грязневич П. А., Басилов В. Н. Мусульманская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. Изд-е 2-е / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 183-187.
3. Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 91-102.
4. Пиотровский М. Б. Хадир // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. Изд-е 2-е / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2.
5. Сефербеков Р. И., Мусаев Ш. Г. Боги и демоны даргинцев-цудахарцев // Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа: тезисы общероссийской конференции. Пятигорск, 1997. С. 113-116.
6. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов. XIX – начало XX в. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 164 с.

MYTHOLOGICAL CHARACTERS OF DARGIN-TSUDAKHAR PEOPLE'S TRADITIONAL BELIEFS

Seferbekov Ruslan Ibragimovich, Doctor in History

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
ruslan-seferbekov@rambler.ru

The article presents the description of the mythological characters of one of the Dargin people ethnic groups – the Tsudakhar people. The author reconstructs the images of the personified heavenly bodies, atmospheric phenomena, deities and demons of the past pagan pantheon and pandemonium of the Tsudakhar people. According to the author, these images represent the religious beliefs, outlook and worldview of the ancient Tsudakhar people, and show the hierarchical structure of deities and demons that occupied the space.

Key words and phrases: mythology; Dargin-Tsudakhar people; deities; demons; ceremonies; customs, beliefs.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье дается описание одного из персонажей былого языческого пантеона – определенного промежутка времени года между зимой и весной, который в мифологиях народов Дагестана персонифицировался в образе «мартовской старухи». С этим периодом у дагестанцев были связаны многочисленные предания и легенды, поговорки, метеорологические и аграрные приметы. Данный образ находит широкие параллели у других народов Северного Кавказа и мира. Авторы считают, что образ «мартовской старухи» – это трансформированная с течением времени одна из многочисленных ипостасей Великой Богини-матери.

Ключевые слова и фразы: мифология; народы Дагестана; божества; демоны; обряды; обычаи; верования.

Сефербеков Руслан Ибрагимович, д.и.н.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
ruslan-seferbekov@rambler.ru

Исрапилова Зарема Анваровна

Дагестанский государственный технический университет
ruslan-seferbekov@rambler.ruОБРАЗ «МАРТОВСКОЙ СТАРУХИ» В МИФОЛОГИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

Большое место в традиционной духовной культуре народов Дагестана занимали домонотеистические верования и, в частности, вера в богов-патронов земледелия и скотоводства. Определенную связь с аграрными обрядами и культом плодородия обнаруживал мифологический персонаж, являющийся персонификацией времени года и известный у дагестанцев и многих народов мира как «мартовская старуха». У аварцев, андийцев, даргинцев, лакцев, лезгин, рутульцев, цахуров в народном календаре имелись мифологические представления о небольшом периоде между концом зимы и началом весны протяженностью в 6-10 дней, который отличался капризами погоды. Даргинцы его называли «рухънала бурхІни» («дни старухи»), «урехила бурхІни» («дни страха»), «иллагъила бурхІни» («дни трудностей»), «рухънала дагъ» («ветры старухи»). Лакцы называли этот период «Аьжюжал гъантри» («дни Аьжюжи»), «къарил дяркъу» («холод старухи»), аварцы – «ажюжал», андийцы – «бардол азизол» («спорные дни»), чамалинцы – «ягьудалдие милъабе»

(«женские дни»), лезгины – «къаридикъар» («старухины дни»), рутульцы – «къаринене» («бабушкины дни»), цахуры – «къари йыгбыр» («дни старухи»). У даргинцев это был 6-7-дневный период. Они считали, что в эти дни резко меняется погода, дуют сильные ветры, и старались экономить корм для скота так, чтобы его обязательно хватило на эти дни, так как это было время окота овец, и недостаток корма в совокупности с холодами был опасен для ослабевших овцематок и новорожденных ягнят. «Зима и лето воюют» («Гара хIэбра дургъуле сад»), – говорили об этом периоде даргинцы с. Цудахар. Капризность и климатическая неуравновешенность этого периода вошли в поговорку даргинских чабанов: его называли «гъадил хъанра – дулганра» («вскармливающий – уничтожающий»), то есть считалось, что от погодных условий этого периода зависело дать изобилие или пустить по миру [6, с. 41-42].

У даргинцев-акушинцев с. Бутри «аъжузла бурни» («трудные дни») помещали в начале зимы – 10 дней, начиная с зимнего солнцестояния. Даргинцы некоторых селений (Дибгаши и др.) между зимой и весной выделяли период в 18-20 холодных дней, который называли «днями ветки» («цIилкъала бархIи»). Аварцы, годоберинцы, андийцы, каратинцы и частично даргинцы выделяли в середине весны (начало – середина апреля) период, когда появлялась молодая трава, опасный и для людей. Считалось, что в это время вечером, а во многих селениях и днем опасно было выходить за пределы населенного пункта и особенно выводить туда детей: можно заболеть болезнями, исходящими от нечистой силы (таковыми считались психические заболевания), особенно активизирующейся в это время. Старики-даргинцы даже днем не разрешали детям бросать камни туда, где появилась молодая трава, пугая их нечистой силой. Надо полагать, подобные предосторожности, предпринимавшиеся относительно мест произрастания молодой травы, имели в своей основе рациональный смысл – предохранения ее от вытаптывания и отрав [5, с. 52-53].

В мифологических представлениях даргинцев-цудахарцев семь дней до начала дня весеннего равноденствия назывались «хуххула берме» («дни бабушки»). Эти дни считались наиболее холодными. Сохранилось предание, что эти холодные дни бабушка отдала жене сына, а остальные после 22 марта более теплые дни отдала своей внучке. Эти дни носили название «Гяжу Життинна берме» («дни [бабушки] Гяжу Життинн») [11, с. 188].

Лакцы также связывали этот период с образом злой, вздорной, иногда и просто глупой старухи *Аъжюжа*, которая, несмотря на свою дряхлость, не хотела умирать. Наиболее распространена в разных вариантах у многих народов Дагестана такая легенда: некая старуха, имевшая овец, неэкономно расходовала корм для них и топливо для себя и к началу апреля осталась без того и другого. В одной из даргинских версий легенды старуха имеет двух быков и радуется тому, что они пережили суровую зиму, но тут снова ударили морозы такой силы, что у быков треснули рога. По другой версии, морозы в эти дни были столь сильны, что старуха, вышедшая из дома по своим надобностям, замерзла и умерла [6, с. 42].

Легенды, подобные изложенным выше, существовали и у других народов Северного Кавказа – у чеченцев и ингушей [10, с. 80-81], карачаевцев и балкарцев [14, с. 313], а также у горных таджиков [2, с. 87] и узбеков Хорезма [13, с. 89]. Всюду на юге Средней Азии самые холодные дни, предшествовавшие наступлению *Наврӯза* – древнего иранского нового года (в день весеннего равноденствия), назывались «днями старухи *Оджиз (Оджуз)*». В фольклоре народов Средней Азии сохранилось представление о кривой старухе *Оджуз*, отождествлявшейся с зимой, холодным ветром, неблагоприятным для роста, плодородия, жизни и особенно – для скота, молока и человеческих волос. Весной эта старуха умирала, и люди радовались теплу и солнцу [3, с. 27]. Исследователи, занимавшиеся среднеазиатскими материалами, истоки мифологического образа «старухи» видят в древнейших религиозных представлениях иранского мира. «Сквозь поздний внешний образ неприятной старухи, можно сказать —баы яги», вероятно, проступает прототип древнеиранского женского божества водной стихии и плодородия» [1, с. 27], – предполагает Б. В. Андрианов.

Учитывая, что у дагестанцев и других народов мира этот образ связан с домашним скотом, можно предположить, что речь идет о божестве-персонификации времени года, водной стихии и плодородия, патроне домашнего скота.

Примечательно, что сюжет о «мартовской старухе» бытовал не только в фольклоре народов Северного Кавказа и Средней Азии, но и у некоторых народов Европы. Так, в разных областях Франции «три последних дня февраля и три первых дня марта (в некоторых областях три последних дня марта и три первых дня апреля) считались несчастливими днями, —днями старухи» [12, с. 31].

Инвариант сюжета легенды, известного практически всем средиземноморским и европейским народам, а также народам Передней Азии, сводится к тому, что некая старуха, не дождавшись весны, отправляется со своим стадом овец или коз на пастбище, по дороге оскорбляет уходящий месяц, и тот, дабы наказать ее, забирает несколько дней у соседнего месяца. Старуха погибает вместе со стадом от холода [9, с. 209-222].

Из сказанного видно, что мифологический образ «старухи» у народов Дагестана находит прямые аналогии с подобным образом у народов Северного Кавказа, Средней Азии и Европы как по наименованию, так и основному сюжету.

Возможно также, что и названия месяцев и периодов традиционного сельскохозяйственного календаря народов Дагестана, большинство из которых у горских народов совпадают [7, с. 15], были посвящены определенным божествам (в том числе и персонификациям времен года). Например, у вайнахов апрель назывался *Тушоли-бут*, по празднеству в честь божества *Тушоли*, май – *Сели-бут*, июль – *Мятцели-бут* [8, с. 45]. У белорусов времена года также олицетворялись и имели свои названия: весна – *Ляля*, лето – *Цеця*, осень – *Жыцень*, зима – *Зюзя* [4, с. 434].

Таким образом, как это видно из представленного материала, у дагестанцев определенный промежуток времени года между зимой и весной персонифицировался в образе «мартовской старухи». Эта персонификация, наряду с персонификацией небесных светил, атмосферных явлений и стихий, является одним из мифологических персонажей былого языческого пантеона народов Дагестана. Образ «мартовской старухи» имел широкие аналогии у других народов Северного Кавказа и мира. С этим образом у дагестанцев были связаны многочисленные предания и легенды, поговорки, метеорологические и аграрные приметы. На наш взгляд, «мартовская старуха» – персонификация определенного промежутка времени года (и, возможно, божество водной стихии и плодородия, патрон домашнего скота) – это трансформированная с течением времени одна из многочисленных ипостасей *Великой Богини-матери*.

Список литературы

1. **Адрианов Б. В.** Земледелие наших предков. М., 1978. 213 с.
2. **Андреев М. С.** Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып. 1. 543 с.
3. **Антонова Е. В., Чвырь Л. А.** Таджикские весенние игры и обряды и индо-иранская мифология // Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983. С. 23-36.
4. **Афанасьев А. Н.** Живая вода и вещее слово. М., 1988. 510 с.
5. **Булатова А. Г.** Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
6. **Булатова А. Г., Булатов А. О.** Некоторые религиозные верования и мифологические представления дагестанцев, связанные с календарем // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988. С. 41-51.
7. **Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.** Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М.: Наука, 1964. 17 с.
8. **Далгат Б. К.** Первобытная религия чеченцев // Терский сборник: приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 1-92.
9. **Кабакова Г. И.** Структура и география легенды о мартовской старухе // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 209-222.
10. **Мадаева З. А.** Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Советская этнография. 1980. № 6. С. 78-83.
11. **Омаров И. И., Сефербеков Р. И.** Аул Куппа: историко-этнографические очерки. XIX-XX вв. Махачкала, 1996. 384 с.
12. **Покровская Л. В.** Народы Франции // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. М.: Наука, 1977. С. 20-38.
13. **Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 335 с.
14. **Шаманов И. М.** Народный календарь карачаевцев // Из истории Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1974. Вып. 7. С. 309-315.

“MARCH OLD WOMAN” IMAGE IN DAGESTAN PEOPLES’ MYTHOLOGIES

Seferbekov Ruslan Ibragimovich, Doctor in History

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
ruslan-seferbekov@rambler.ru

Israpilova Zarema Anvarovna

Dagestan State Technical University
ruslan-seferbekov@rambler.ru

The article describes one of the characters of former pagan pantheon – a certain period of time, between winter and spring, which in Dagestan peoples’ mythologies is personified in the image of “March old woman”. Dagestan people associate with this period numerous tales and legends, proverbs, meteorological and agricultural signs. This image has broad parallels among other peoples of North Caucasus and the world. The authors believe that the image of “March old woman” is one of many roles of Great Mother Goddess transformed over time.

Key words and phrases: mythology; Daghestan peoples; deities; demons; ceremonies; customs, beliefs.